

Династические браки в политической стратегии царств майя.

Научный руководитель – Сафронов Александр Владимирович

Даньшина Софья Алексеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории древнего мира, Москва, Россия

E-mail: danshinasophia@gmail.com

Формирование места и статуса конкретного царства в политической системе классических майя напрямую зависело от характера и качества союзов, которыми этому царству удалось себя окружить. Обладание целой региональной сетью зависимых центров сулило династии не только символические выгоды, но также и контроль над потоками товаров и ресурсов, возможность трансляции собственной воли в целом регионе. Однако иерархия в области майя не имела строгой стабильности, поскольку такие союзы могли распадаться, упускать своих членов в другие объединения, а порой даже порождать острые конфликты внутри. Эта иерархическая система имела множество уровней престижа и зависимости, сотрудничества и подчинения – вассал верховного владыки мог распространять контроль даже на несколько уровней сразу [1, с. 352-353]. Например, стремившиеся к самостоятельности и, видимо, вовсе утверждению собственной региональной власти Наранхо и Караколь в течение классической эпохи несколько раз кардинально изменяли внешнеполитическую ориентацию, переходя из зоны влияния Тикаля под контроль Кануля, а потом и вовсе пытались освободиться и от него [2, с. 130-131]. Менее могущественные династии тонко чувствовали изменения в политической системе в пользу того или иного гегемона, переходя к союзническим отношениям с ним как раз совсем незадолго до его победы.

Одним из центральных способов выражения политической преемственности был язык родства, оттого майяская элита была активно вовлечена в создание развитой генеалогической традиции и почитание династических предков и преемственности [3, с. 160]. В этом отношении, главная функция брака в политической системе майя, конечно, состоит в воспроизводстве царской генеалогии. Однако в условиях полигинии, а значит и увеличения числа законных наследников, родство по материнской линии могло рассматриваться в качестве одного из аргументов в вопросах наследования [1, с. 181-182]. Привлечение жен из различных по авторитетности родовых групп в таком случае могло обеспечить иерархию в среде этих царских потомков. Возможно, чтобы избежать династических кризисов, связанных с большим числом претендентов на власть среди супругов царя могла выделяться главная жена, чей ребенок должен был стать наследником.

С другой стороны, происхождение от главной жены или, возьмем, первородство не всегда могли обеспечить абсолютные гарантии наследования власти, несомненно, претензии на престол могли предъявлять и другие члены линиджа, оспаривая права соперника. Во многих обществах харизма, большой успех и удачливость, условно «компетентность», особенно в военном деле могла цениться куда выше порядка рождения [1, с. 182]. Династические кризисы зачастую имели в своей основе стремление младших линий преодолеть их удаление от основной ветви престолонаследия, выливаясь в междоусобицы, в которых каждый из братьев поддерживался родственниками по матери [4, с. 9].

Следует также отметить предложенную Д. Грэбером и М. Саллинзом идею, что с течением времени члены царских династий, связанные с наиболее авторитетным предком, могли терять статус, поскольку все больше удалялись во времени от героизированного родоначальника линиджа. Оставаясь при этом центральной линией династии и отстраняя

от распределения власти боковые ветви, царский линидж с течением времени, видимо, терял все больше царственности в крови [4, с. 9]. При этом, в междинастических браках потомки могли наследовать высокий сакрализованный статус с обеих сторон и наделяться царственностью предков матери. Так, матримониальные союзы следует также рассматривать в качестве способов обновления династических прав представителей линиджа, посредством которых дистанция между центральной правящей линией и боковыми ветвями увеличивалась, предупреждая, конечно, лишь частично, возможные междоусобицы.

Практика династических браков помимо общих задач воспроизводства царской генеалогии могла также служить средством легитимизации конкретной правящей линии за счет ссылок на связи с другими внешними царскими династиями. Высокое происхождение по материнской линии предлагало династам большие преимущества в патримониальной риторике. Ссылки на царствовавших предков по патрилинии определяли место правителя в династической традиции его царства, сообщение же о матримониальных связях вписывало царя в куда более широкий политический контекст региона, наделяя его большим престижем и составляя его царственную харизму [5, с. 789]. В этом отношении возможность менее авторитетным правителям вступить в матримониальный альянс с могущественной династией, действительно, увеличивало харизму этих правителей в межгосударственном поле.

Заинтересованные в развитии междинастического общения, которое осуществлялось на уровне взаимодействия элит, представители различных династий зачастую реализовывали его по правилам престижной экономики. Дарообмен в архаических обществах был универсальным средством установления отношений, причем равенство между дарителем и получателем определялось лишь при условии взаимности, ответного взаимодействия [6, с. 98-100]. Нарушая же эту схему, сторона, неспособная равным образом «отдарить» другую, попадала в зависимое от нее положение, пока взаимность не будет восстановлена. Обмен женщинами, который можно рассматривать как лежащий в основе междинастических браков, продолжал обмен дарами. Если на практику матримониальных связей наложить представления об иерархии, устанавливаемой посредством дарообмена, можно увидеть, что зачастую получатели невест, не отвечая взаимностью или не обещая определенную услугу, попадали в сферу влияния дарителя.

Однако даже скрепление союзнических отношений кровным родством не всегда гарантировало их продолжительность. В ряду изученных примеров междинастических браков несложно найти примеры, в которых политическая выгода и воля конкретного случая оказывались более предпочтительными для майяских царей.

Так, в политической стратегии правители действовали, видимо, из интересов династии, не возводя в абсолют святость кровных союзов, клятв и обязательств во внешнеполитическом поле. Несомненно, они играли важную роль в представлениях миропорядка и функционировании межгосударственной системы, были в определенной степени сакрализованы, однако в руках царской идеологии порой могли уступать место представлениям элиты о выгоде, символическом и материальном богатстве, необходимости реагировать на вызовы внешнеполитической обстановки [7, с. 48]. Интеграция центров, связанных с сюзереном, а также между собой узами родства, закреплялась не только в плоскости отношений политической власти и вопросов вассальной зависимости, но также реализовывалась в экономике и культурно-религиозной сфере. Зависимые от Кануля центры могли выступать в роли перевалочных пунктов на протяженном маршруте, пронизывавшем Низменности с севера на юг, с другой стороны, подчиненные династии перенимали изобразительные черты, характерные для канульского искусства, например, особые иконографические элементы: облачение в сетчатую тунику и уиписьль, мотивы попиранья пленников, а также особый тип парных стел.

Источники и литература

- 1) 1. Martin S. Ancient Maya Politics. A Political Anthropology of the Classic Period 150-900 CE / S. Martin. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – P. 389.
- 2) 2. Вепрецкий С.В. Политическая история Канульского царства по эпиграфическим источникам: специальность 5.6.2. «Всеобщая история»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2024. – 522 с.
- 3) 3. Watanabe J.M. Some Models in a Muddle: Lineage and house in Classic Maya social organization. *Ancient Mesoamerica*. 2004, 15(1). – P. 159-166.
- 4) 4. Graeber, D., Sahlin M. On Kings. Hau Books, Chicago, 2017. – 539 p.
- 5) 5. Tokovinine A, Estrada-Belli F, Fialko V. The team for a new age: Naranjo and Holmul under Kaanu's sway. *Ancient Mesoamerica*. 2024, 35(3). – P. 784-805.
- 6) 6. Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учебник. – 2-е изд., – М.: Логос, 2004. – 272 с.
- 7) 7. Martin, S. Políticas matrimoniales entre los mayas del clásico. // *Arqueología Mexicana*, año XII, núm. 135, mayo de 2025. – P. 48-54.